

ЗАКОН И ЛЮБОВЬ В ПОЭЗИИ УИСТЕНА ХЬЮ ОДЕНА 1939 ГОДА

LAW AND LOVE IN W.H. AUDEN'S POEMS OF 1939

K. Sokolov

Summary. After moving to the United States in early 1939 W. H. Auden went behind his perceptions of the purpose of poetry and the poet's significance in society. Those shifts affected the artistic elaboration of the concepts of Law and Love which the poetry had to comply.

Keywords: W. H. Auden, W. B. Yeats, English poetry, the purpose of poetry, creative development, *rondeau*, Law like Love.

Соколов Кирилл Сергеевич

К.филол.н., доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
kirill.sokolov@fulbrightmail.org

Аннотация. После переезда в Соединенные Штаты в начале 1939 года У.Х. Оден пересматривает свои прежние представления о назначении поэзии и роли поэта в обществе. Эти изменения отразились в творческой разработке понятий Закона и Любви, которым должна следовать поэзия.

Ключевые слова: У.Х. Оден, У.Б. Йейтс, английская поэзия, предназначение поэзии, творческая эволюция, *рондо*, Закон как Любовь.

В январе 1939 года У.Х. Оден покидает Старый свет и направляется в Соединенные Штаты. Для поэта, объездившего полмира, это не было очередным путешествием: переезд проводил символическую черту между прошлым и будущим, неприемлемым и неизвестным в понимании собственного творчества, пути европейской цивилизации и места поэта в ней. Осознание необходимости перемен подтверждалось рядом совпадений: 26 января, в день, когда Оден и К. Ишервуд сошли на берег в Нью-Йорке, пала республиканская Барселона — последняя надежда либеральной Европы перед лицом неумолимо надвигающегося фашизма, а два дня спустя, 28 января, пришло известие о смерти У.Б. Йейтса — одного из величайших поэтов уходящей эпохи. Стихотворения и проза Одена 1939 года, таким образом, оказываются проникнуты общим стремлением переосмыслить опыт цивилизации и найти новые непротиворечивые основания и цели для творчества. Поэт пытается отыскать некий универсальный закон, следование которому послужит оправданием для поэзии и человечества. Размышления о законе — естественном, человеческом и божественном — становятся ведущей темой его незавершенной книги «The Prolific and the Devourer», воплощаются в стихотворениях «Law Like Love» и «The Hidden Law», звучат в стихотворении «In Memory of W. B. Yeats (d. January, 1939)» и обнаруживаются в подтексте прений между общественным обвинителем и защитником в «The Public v. the Late Mr William Butler Yeats».

Уже в следующем году поиски универсального Закона приведут Одена к христианству, что отразилось в его поэме «The New Year Letter» и «рождественской оратории» «For the Time Being», написанной в 1941–1942 годах. Пока же, в 1939-м, его главная цель — по точному замечанию С. Петерсон — предложить нерелигиозное оправдание христианской веры («to advance a secular justification for Christian belief» [9, с. 131]).

Название книги «The Prolific and the Devourer» Оден заимствует из визионерского сочинения У. Блейка «The Marriage of Heaven & Hell»: «Так одна сторона бытия есть Животворенье, Другая же Пожиранье. <...> Животворенье не было бы таковым без Пожирателя, который, как море, поглощает избыток наслаждений. <...> Эти две категории людей всегда присутствуют в мире сем, и всегда им должно враждовать: кто же пытается примирить их, ищет гибели сущего» [1, с. 193]. Оден реинтерпретирует блейковские символические фигуры: «The Prolific and the Devourer: the Artist and the Politician. Let them realize that they are enemies, i.e. that each has a vision of the world which must remain incomprehensible to the other. But let them also realize that they are both necessary and complementary, and further, that there are good and bad politicians, good and bad artists, and that the good must learn to recognize and to respect the good» [7, с. 23]. Художник и Политик — творящий и пожирающий — символизируют неразрывное и неразрешимое противоречие, лежащее в основе человеческой природы. «Человеческий закон», таким образом, представляется ему внутренне ущербным, но не саморазрушающимся, подобно тому, как экстраверсия и интроверсия, возрастные или гендерные различия не приводят к распаду общества. Следуя методу Паскаля, Оден формулирует «наблюдение» и «предположение»: «Let us start, like Pascal, with one observation and one assumption:

That, on the whole, Man is more often unhappy than happy.

That this unhappiness is unnatural: Man not only desires but ought to be happy.

No one has ever seriously denied the observation, though some, like Pascal, have exaggerated the unhappiness. Men can only desire happiness because at moments they have

experienced it or observed it in others. The assumption has frequently been denied in part: i.e., as regards this temporal material word; to deny it in toto is to deny the rationality of the universe, though this too has been done. If we accept both, then it follows:

- (1) That there are laws which govern human life.
- (2) That happiness is what we feel when we are living according to these laws, and unhappiness what we feel when we are not.
- (3) That for the most part we do not live according to these laws» [7, с. 29–30]. «Закон человеческий», заключает Оден, основывается на насилии и вере в справедливость этого насилия. Возможность иного закона исходит из веры в существование божественного (или естественного, как позже назовет его Оден) закона и из сомнения в возможности доказать его существование [7, с. 31]. Скептицизм Одена объясним, если принять во внимание одну из ведущих причин, заставивших его покинуть Старый свет: «английский Оден» был вовлечен в политическую жизнь, верил в социальное предназначение поэта, однако уже весной 1939 г. в стихотворении на смерть У.Б. Йейтса он заявляет, что поэт «так же глуп» как и его читатели, а из-за поэзии «ничего не случается» («You were silly like us <...> Now Ireland has her madness and her weather still, For poetry makes nothing happen» [4, с. 248]). Существование «божественного закона» должно быть проявлено, то есть доказано практически, но именно в практическую силу поэтического высказывания поэт теперь не верит.

Об этом неверии свидетельствует сама история создания стихотворения «In Memory of W. B. Yeats (d. January, 1939)». В первоначальном виде оно было напечатано в «New Republic» 8 марта 1939 года. Текст состоял из двух частей: сравнения смерти Йейтса с застывающим зимним пейзажем и призыва к поэтам исправлять «intellectual disgrace», следовать своему призванию:

*In the deserts of the heart
Let the healing fountain start,
In the prison of his days
Teach the free man how to praise [4, с. 249].*

В апреле в «London Mercury» появляется второй, ставший каноническим вариант текста, в который Оден добавил центральную часть, где и появилось утверждение о бессилии поэтического высказывания изменить что-либо в мире. За месяц между двумя публикациями Оден создает и печатает в весеннем номере «Partisan Review» квазистенограмму судебного разбирательства по делу Йейтса, обвиняемого «публикой» в том, что поэт придерживался крайне спорных взглядов на науку, общество, впал в мистицизм, и потому не достоин звания

великого поэта, а его поэзия скорее вредна для мира или как минимум бесполезна. Позиция представителя защиты строится на том, что «искусство есть продукт истории, а не ее причина («art is a product of history, not a cause» [5, с. 7] — в единственном русском переводе эссе в этом месте допущена ошибка: «искусство — продукт истории, а не идеи» [3, с. 123]), поэтому достоинства («virtues») поэта должны оцениваться по силе и ясности («strength and clarity») его поэтического языка.

В «The Prolific and the Devourer» преданность этой «силе и ясности» становится для художника источником счастья в несчастном мире, где действует «Закон человеческий». Таким образом, поэзия, рожденная историей, тем не менее, несет отблеск «Закона естественного». В ближайший год Оден пытается найти способ его сформулировать.

В начале сентября 1939 года была прекращена работа над «The Prolific and the Devourer», поскольку сказанное о прошлом и настоящем человечества «все еще казалось справедливым, но то, что касалось будущего, оказалось ошибкой» [8, с. 80]. Оден откликается на начало войны стихотворением «September 1, 1939», содержащим, казалось бы, «ясную и сильную» (строфика «1 сентября» перекликается со стихотворением Йейтса о Пасхальном восстании 1916 года) формулу закона выживания: «We must love one another or die» [6, с. 245]. Однако, одна из самых известных строк поэта была исправлена им в сборнике 1940 года (We must love one another and die), а затем вовсе исключена вместе со всем стихотворением из последующих публикаций. Одена не устроила не только излишняя высокопарность фразы, но и ложное понимание призыва любить друг друга как частного решения каждого человека:

*There is no such thing as the State
And no one exists alone;
Hunger allows no choice
To the citizen or the police;
We must love one another or die.*

Любовь здесь приобретает свойства непреложного требования или инстинкта, не оставляющего выбора, что также противоречило пониманию естественного закона, о котором Оден размышлял в «The Prolific and the Devourer», поэтому вслед за «September 1, 1939» он пишет стихотворную «двойчатку»: «Law Like Love» и «The Hidden Law», где предлагает не рациональное или императивное, но поэтическое — через сравнение и метафору — понимание действия этого закона.

«Law Like Love» начинается с девяти частных определений закона. Для садовников закон — солнце, для стариков — их мудрость, для молодых — их чувства, для

судьи «Закон есть Закон» и т.д. Ограниченность определений и комическая тональность стихотворения создают ощущение принципиальной невозможности дать положительный исчерпывающий ответ на вопрос, *что* есть закон. Однако поэзия может сказать *каков* он:

*Although I can at least confine
Your vanity and mine
To stating timidly
A timid similarity,
We shall boast anyway:
Like love I say* [4, с. 264].

Вместо напрашивающегося утверждения «закон есть любовь», что стало бы десятым частным определением, Оден использует сравнение: «закон подобен любви» и развивает эту мысль, виртуозно демонстрируя свойства закона в заключительной строфе:

*Like love we don't know where or why,
Like love we can't compel or fly,
Like love we often weep,
Like love we seldom keep.*

Не называя неназываемое — то, что ускользает от рационального определения,— строфа анафорически

ясно и настойчиво внушает ощущение его присутствия в жизни человека.

Через несколько недель после завершения «Law Like Love» Оден пишет вариацию на тему последней строфы этого стихотворения. В «The Hidden Law» поэт мастерски использует суггестивную энергию рондо. Неизбежное действие Скрытого Закона проявляется не чудесным образом: «The Hidden Law does not deny Our laws of probability, But takes <...> human beings as they are, And answers nothing when we lie» [4, с. 264], ему можно следовать или нарушить, но не скрыться. Твердая поэтическая форма, устанавливающая неизбежность троекратного повтора центрального понятия, есть своего рода манифестация действия Скрытого Закона — закона, который Оден пытался найти на протяжении переломного 1939 года.

Четыре десятилетия спустя И. Бродский, избравший Одена своим наставником, выскажет мысль, что «У поэта перед обществом есть только одна обязанность, а именно: писать хорошо» [2, с. 106]. Обнаружение скрытого или «естественного» закона, требующего от поэта «силы и ясности» поэтического высказывания, а не идеологической ангажированности, становится результатом поэтической эволюции Одена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блейк У. Песни Невинности и Опыта: Стихи. СПб.: Северо-Запад, 1993. 271 с.
2. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Издательство Независимая Газета, 1998. 328 с.
3. Оден. У.Х. Чтение. Письмо. Эссе о литературе. М.: Издательство Независимая Газета, 1998. 320 с.
4. Auden W. H. Collected poems. N.Y.: Vintage International, 1991. 927 p.
5. Auden W. H. The Complete Works of W. H. Auden, Volume II. Prose: 1939–1948. Princeton: Princeton University Press, 2002. 592 p.
6. Auden W. H. The English Auden: poems, essays, and dramatic writings, 1927–1939. N.Y.: Random House, 1977. 469 p.
7. Auden W. H. The Prolific and the Devourer. Hopewell, NJ: Ecco Press, 1994. 101 p.
8. Mendelson E. Later Auden. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1999. 570 p.
9. Peterson S. A Poet's Concept of Law — What's Love Got to Do With It? // REAL: Yearbook of Research in English and American Literature. Bd. 18: Law and Literature. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2002. P. 131–143.

© Соколов Кирилл Сергеевич (kirill.sokolov@fulbrightmail.org).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»